

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ НАУКИ:
В ПОИСКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СРЕДСТВ**

Н. А. Иванова

**ON SOCIAL DETERMINATION OF SCIENCE:
IN SEARCH OF CONCEPTUAL MEANS**

N. A. Ivanova

Автор осуществляет анализ концептуальных средств, являющихся ответом на признание взаимосвязи когнитивных и социальных процессов. К их числу отнесены такие понятия, как «стиль мышления» Л. Флека и К. Мангейма, «научное сообщество» Т. Куна, «эпистема» и «дискурс» М. Фуко, «тематический анализ» Дж. Холтона, «личностное знание» М. Полани, «исследовательская традиция» Л. Лаудана, «интересы» Ю. Хабермаса, «габитус» П. Бурдьё.

The author analyses the conceptual means regarding the recognition of interrelation of cognitive and social processes. They include such concepts as “style of thinking” (L. Fleck and K. Mannheim), “scientific community” (T. Kuhn), “episteme” and “discourse” (M. Foucault), “the thematic analysis” (J. Holton), “personal knowledge” (M. Polanyi), “research tradition” (L. Laudan), “interests” (J. Habermas), “habitus” (P. Bourdieu).

Ключевые слова: стиль мышления, научное сообщество, тема, личностное знание, эпистема, дискурс, исследовательская традиция, интересы, габитус.

Keywords: style of thinking, scientific community, episteme, discourse, the thematic analysis, personal knowledge, research tradition, interests, habitus.

Анализируя состояние современных эпистемологических исследований, В. М. Розин указывает на существование в них ряда оппозиций. Во-первых, понимание эпистемологии либо как самостоятельной дисциплины вне ее сведения к «внеэпистемологическим» аспектам, либо убеждение в том, что реконструкция познания невозможна без обращения к другим дисциплинам. С этим противостоянием связан вопрос о междисциплинарном или трансдисциплинарном характере современной эпистемологии. Что касается стороны, представленной установкой на междисциплинарность и включенность в традиционную эпистемологическую проблематику знания других дисциплин, то она характеризуется, с одной стороны, редукционистской установкой, и как частный случай может принимать форму когнитивизма, с другой, так называемые «внеэпистемологические» феномены рассматриваются как условия и факторы познания. Оценочный характер носит оппозиция, представленная различной реакцией на состояние современной эпистемологии, которое всеми исследователями определяется как радикальное [15, с. 238 – 245]. Радикальный характер проявляется в постановке «вопроса о том, способна ли вообще теория познания с ее специфическим концептуальным аппаратом, с ее подходами и методами анализа реальных познавательных процессов осмыслить как раз те аспекты познавательной деятельности, которые и породили соответствующую проблематику. Практически все дискуссии по наиболее актуальным гносеологическим проблемам, будь то проблема социокультурной обусловленности познания, проблема рациональности знания или спор интерналистов и экстерналистов, протекают как бы на границах гносеологии, так что содержательное решение этих проблем предполагает в качестве вполне реальной альтернативы фактический выход за рамки гносеологии» [14, с. 118]. При этом некоторые ис-

следователи, избегая говорить о проблематичности гносеологии в целом, ограничиваются утверждениями о кризисе ее классической формы. Б. И. Пружинин указал на два вектора расширения поля гносеологической проблематики. В первом варианте речь идет о признании социокультурной детерминации познания с целью доказать принципиальную релятивизацию результатов познавательной деятельности. Противоположная сторона исходит из необходимости «поставить под контроль» социокультурные обстоятельства, имманентно присущие структурам познания. На наш взгляд, радикальный характер современных эпистемологических исследований в первую очередь связан с результатами модернизации и становлением так называемого «общества знания», в котором наука становится не только источником разрешения противоречий и рисков, но и их причиной, а также средством определения и диагностики. Как результат возникает необходимость в терминологии У. Бека различать «простое» и «рефлексивное онаучивание» [4]. Первое было характерно для периода модернизации традиционных обществ, и помимо противопоставления модернизации и традиции предполагало разделение дилетантов и экспертов-ученых. Основу модернизации составляло приращение науки к «данному» миру. Подходящая форма онаучивания, характеризующаяся установлением границ между профессионалами и дилетантами, ушла в прошлое, т. к. в настоящее время наука сталкивается с продуктами собственной деятельности, т. е. с реальностью, подвергнутой воздействию научного профессионализма, и начинает рассматриваться не столько как источник решения проблем, сколько как их причина. И если на первых порах ученые могли опираться на превосходство научной рациональности и методов научного мышления над традиционным знанием и любительскими практиками, а достоверность научных притязаний на рацио-

нальность не ставилась под сомнение в силу того, что науке удавалось самостоятельно справляться с заблуждениями и ошибками своих практических последствий, сохраняя тем самым, с одной стороны, монопольное притязание на рациональность в глазах общественного мнения, с другой – обеспечивая возможность внутринаучных критических дискуссий, то сегодня научная обработка последствий и рисков модернизации возможна только через критику научно-технического развития. В целом можно утверждать, что чем успешнее развивается наука, тем основательней релятивизируется ее изначальное притязание на значимость, т. к. ее развитие приводит к коренным изменениям как во внешних, так и во внутренних отношениях. Контекст возникновения и применения, ценностные и предметные аспекты исследований, наука и политика проникают друг в друга, образуя новые, трудно различимые зоны пресечения. И как результат опять встает вопрос о возможностях и пределах научного познания, но встает в новых условиях. Речь уже не идет о принципиальной демаркации границ между чисто научными и ненаучными факторами, т. к. проблема такой демаркации в процессе овеществления практически утратилась. Признание фактической взаимосвязи социальных и когнитивных процессов, усиление тенденции рассматривать процессуальные характеристики научного познания в самой эпистемологии привели, во-первых, к признанию активной роли субъекта в конструировании знаний о мире, к неизбежности вовлечения субъекта познания в социокультурный контекст с его базовым набором схем восприятия, мышления и способов действия. Во-вторых, перенос акцента с анализа структуры знания на его развитие потребовал поиска адекватных средств описания процесса производства научного знания и форм социокультурной зависимости познания. Последнее нашло свое выражение в использовании ряда концептов, а именно, «стиль мышления» (Л. Флек, К. Мангейм), «научное сообщество» и «парадигма» (Т. Кун), «неявное знание» (М. Полани), «тематический анализ» (Дж. Холтон), «исследовательские традиции» (Л. Лаудан), «эпистема» и «дискурс» (М. Фуко), «габитус» (П. Бурдьё), «интересы» (Ю. Хабермас).

Уже в 30-е гг. XX в. польский микробиолог Л. Флек указал на актуальность вопроса о характере зависимости науки и социального окружения. При этом речь шла не о зависимости научной деятельности от условий труда и не от том, что внешние факторы могут ускорять или замедлять темпы развития науки, проблема заключалась в признании зависимости самого содержания научного знания от социокультурного контекста его производства. Признание такого рода обусловленности поставило под сомнение идею существования беспредпосылочного научного знания. Однако сам факт зависимости предстояло подвергнуть специальному исследованию. Следует отметить, что в то время, как большинство самих ученых отрицали факт зависимости содержания научного знания от социального окружения, политические субъекты абсолютизировали подобную форму детерминации и ввели в оборот идею «социально-классовой науки»: «буржуазной» и «пролетарской», «ле-

вой» и «правой» и т. п. По мнению Флека, признание социальной обусловленности научного познания может и должно быть совместимо с идеей его объективности. В то время, как представление о зависимости может носить характер интуитивных догадок, а ее описание приобретает характер художественных аналогий и метафор, принятие тезиса о существовании зависимости между содержанием научного знания и социальной средой требует разработки специальной области исследования, где данное положение выступит позитивным пунктом и получит тщательное обоснование, а предметом будут выступать коллективный настрой познания или стиль мышления. В целом разработка подобного направления исследований, как полагал Л. Флек, приведет к построению концепции исторически изменчивого мыслительного коллектива и стиля мышления, а основное направление ее развития определяют две проблемы – «зависимость науки от культурой среды и эпохи и проблема теснейшей связи индивидуального мышления от коллектива в науке» [18, с. 174]. Определенную ценность в последующем будет представлять анализ отдельных фрагментов научного дискурса, позволяющий увидеть, что научные термины, употребляемые современной наукой, в прошлом имели иное содержательное значение, т. к. изменение общего фона изменяли их исходные смыслы. Актуальность данной проблематики с точки зрения Л. Флека в первую очередь связана с ростом специализации, усложнением научного знания и его коллективным характером, которые более не соответствуют традиционной теории познания, опирающейся на идеи изолированного «эпистемологического субъекта» и «вечной истины».

Согласно воззрениям К. Мангейма вопрос о социальных основаниях знания был обусловлен специфической исторической ситуацией, когда посредством общего процесса демократизации и благодаря механизму социальной мобильности проблемой становится не столько факт существования многообразия форм мышления, сколько факт их объединения в одном сознании [10]. Актуальность данной проблемы вызвана и тем, что ситуация, когда в обществе возникают различные смысловые значения в отношении к одному объекту, может привести в итоге к распаду системы смысловых значений вообще. К. Мангейм полагает, что первым значительным следствием исчезновения консенсуса в представлении о мире стало возникновение гносеологии, и указал на противостояние двух парадигматических по своему значению типов теории познания: одна исходит из возможности экзистенциальной изолированности знания, другая принимает за основу идею его экзистенциальной обусловленности. Свой подход Мангейм определяет как учение об «экзистенциальной обусловленности знания», предполагающее ряд следствий, а именно, с одной стороны, признание реляционной структуры человеческого познания, с другой – возможности принимать решения путем дискуссий. Объективность в рамках данной эпистемологической парадигмы означает, что исследователи, обладающие одинаковым видением и категориальными схемами, могут в силу этой идентичности прийти к общим выводам. В том случае, если аспекты исследования различны, то объ-

ективность устанавливается посредством указания на разные перспективы видения, а выбор между ними разрешается выявлением их эвристической ценности. Это означает, что исследование будет двигаться в сторону нейтрализации экзистенциальной обусловленности, а анализ конкретных качественных данных будет все более отходить на задний план, выдвигая на первый план механизм формализации. Однако это движение будет не спонтанным и абсолютно свободным, приводящим к «сознанию вообще», а будет все в большей степени охватывать частные и конкретные точки зрения. Тем самым признание экзистенциальной обусловленности познания не исключает возможность формализации, она лишь показывает, как происходит нейтрализация качественного своеобразия явлений и создание абстрактных схем в определенных условиях, под влиянием определенных структурных изменений. В работе «Консервативная мысль» К. Мангейм обращает внимание на то, что близким немецкому понятию «стиль мышления» в англосаксонской традиции является термин «мыслительные навыки». Имея сходные черты, данные понятия обладают различиями. Общим является указание на социальную и коллективную природу процесса познания. Термин «мыслительные навыки» указывает на «то обстоятельство, что люди автоматически пользуются уже имеющимися образцами не только во внешнем поведении, но и в мышлении. Большинство наших интеллектуальных реакций имеет нетворческий характер и представляет собой повторение определенных тезисов, форм и содержания, которые были переняты нами из культурной среды в раннем детстве и на более поздних стадиях нашего развития, и которые мы автоматически используем в соответствующих ситуациях» [9, с. 572]. Однако в то время как понятие «мыслительные навыки» фиксирует аспект преемственности, то ключом к пониманию динамического и дифференцированного характера человеческого мышления выступает термин «стиль». Главным доказательством связи стилей мышления с социальными группами служит исторический факт совпадения гибели стилей мышления и самих групп как его носителя, а также совпадения слияний стилей и объединения групп, т. е. судьба групп находит отражение в развитии стилей мышления.

Обращая внимание на большую эвристическую ценность работы Флека, Т. Кун в Предисловии к его английскому переводу писал, что понятие «мыслительный коллектив» есть гипостазированная фикция, т. к. оно функционирует как сверхиндивидуальный разум, сила которого состоит в принуждении и ограничении, т. е. носит скорее логический, а не социальный характер. Оценивая монографию Л. Флека «Возникновение и развитие научного факта» как одну из основополагающих работ по социальной эпистемологии, отечественный исследователь В. Н. Порус предложил в 90-е гг. трактовать «стиль научного мышления» как систему регулятивных средств, выделив в ней следующие измерения: когнитивно-методологическое, личностно-психологическое, социально-психологическое и социологическое [13]. В первом измерении «стиль научного мышления» состоит из относительно устойчивого ядра и более подвижной

изменчивой части. Личностно-психологическое измерение указывает на принадлежность «стиля мышления» конкретному субъекту, в результате чего стиль мышления образует сложную систему взаимодействия когнитивно-методологических и личностно-психологических факторов. Что касается социологического и социально-психологического аспектов, то они имеют как сходство, так и различия. Последнее находит свое отражение в том, что социологический аспект, который может изучаться как на макроуровне, так и в «малых средах», в целом предполагает выявление условий нормативизации и стереотипизации когнитивно-методологического измерения стиля научного мышления. Социально-психологический аспект обнаруживает себя на микроуровне в виде форм общения, принятых в научных коллективах, психологическом климате, типах лидерства, господствующих убеждениях, мнениях, мотивации научной деятельности, предрассудках и моде, моральных установках и т. д. Однако, несмотря на различие в уровнях исследования, и социологический и социально-психологический аспекты «высвечивают» условия, обеспечивающие коллективный характер научной деятельности. В. Н. Порус отмечает, что если достаточно хорошо изучено влияние социологических факторов на социально-психологические, то вопрос об их детерминации на когнитивно-методологическое измерение остается открытым. Одним из очевидных примеров подобного влияния может служить появление так называемого «экологического стиля мышления» в современной науке. Вместе с тем, обнаружение механизмов воздействия социальных факторов на когнитивные «позволяет объяснить сам процесс нормативизации стиля, превращение его в «автоматическое» условие научной работы, в его победу в соперничестве с иными возможными системами регулятивов» [13, с. 78]. В целом стиль научного мышления, истолкованный как система регулятивных средств, представляет собой совокупность условий и предпосылок, усвоенную (сознательно или бессознательно) членами научного сообщества и включающую в себя когнитивно-методологические, личностно-психологические, социологические и социально-психологические факторы. В историческом аспекте А. А. Ивин выделил четыре стиля мышления – античный, средневековый, классический и современный. Определяя «стиль мышления» как «сложную, иерархически упорядоченную систему неявных детерминант, образцов, принципов, форм и категорий теоретического освоения мира», указывает, что его влияние проявляется в постановке проблем, приемах исследования, способах обоснования, формах изложения результатов, манерой ведения дискуссий [6]. Таким образом, установка, согласно которой познание детерминировано не только объектом, но и социально-историческими факторами, потребовала обращения к понятию «стиль мышления», которое стало трактоваться как наиболее существенный элемент механизма социокультурной детерминации науки. Одними из последних работ в данном направлении являются коллективная монография, посвященная социокультурным основаниям отечественной психологии, а также фундаментальное исследование Л. А. Микешинной «Диалог ког-

нитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки» [17; 11].

Вышедшая в 1958 г. в Англии работа М. Полани «Личностное знание» констатировала существование знания-умения, не поддающееся полной рефлексии, но являющееся результатом обучения «лицом-к-лицу» (в совместных лабораторных исследованиях, в личных контактах ученых). Являясь формой личностного знания, неявное знание предстает как совокупность наработанного исследователем опыта практической работы, классификации и диагностики, владения теоретическим аппаратом, способов употребления слов и обращения с предметами. Подход, предложенный М. Полани, во-первых, подвергает критике разделение процессов профессионального образования и научного исследования, трактуя их как стороны единого процесса. Во-вторых, ставит под сомнение тезис о полной рефлексии субъектом познания собственных ощущений и восприятий. В-третьих, условием совместной работы исследователей М. Полани полагает приобретение общих «интеллектуальных навыков» [12]. Представление о научном познании, предложенное М. Полани, позволило соотнести интеллектуальный компонент научной рациональности с личностным и культурным измерениями, а также процессом профессионализации.

Во французской традиции проблема субъекташла свое отражение в анализе дискурса, который, возникнув в 60-е гг. и соединив лингвистику, философию и психоанализ, выявил существование некоторых языковых форм, которые определяются только через их употребление субъектом [16]. Явившись ответом на распространенный в США контент-анализ, анализ дискурса не рассматривает словесный материал лишь как средство передачи информации, а принимает во внимание способ функционирования дискурсов. Понятие «эпистема», несмотря на то, что используется самим М. Фуко лишь в работе «Слова и вещи», получило популярность в гуманитарных и социальных науках и, приобретя различное толкование, сохранило основной смысл как всепроникающая дискурсивность, которая «неосознаваемым для человека образом существенно предопределяет нормы его деятельности, сам факт специфического понимания феноменов окружающего мира, оптику его зрения и восприятие действительности» [7, с. 346]. При этом под деятельностью в первую очередь понимаются «дискурсивные практики», а мышление сводится к его языковому характеру. Понятие «дискурс» в настоящее время имеет множество значений: от эквивалента понятия «речь» в сосюрровском смысле как любое конкретное высказывание и в значении Э. Бенвенисты как речи, присваиваемой говорящим до системы ограничений, накладываемой определенной социальной позицией. М. Фуко использует его с целью показать «историческое бессознательное» различных эпох в значении специфической формы знания, представленной понятийным аппаратом. Дискурс выступает одновременно как механизм высказывания и как институциональный механизм. В целом можно сказать, что выход в свет в 1969 г. работы М. Фуко «Археология знания» открыл для дискурс-анализа новое направление, отличное от предложенного Л. Аль-

тюзсером. Если альтюзсеррианское движение стремилось выявить скрытые силы, заложенные в текстах, и было направлено на анализ высказываний политического характера, то М. Фуко скорее интересовали высказывания «институционального» (протоколы судебных процессов, режимы больниц) и «научного» (медицины, экономики) характера.

На необходимость расширить круг понятий и методов анализа науки указал Дж. Холтон. Предложенный им подход направлен на лучшее понимание природы и характера научного поиска и предполагает следующие направления исследования. Во-первых, анализ этапа научного познания, на котором происходит зарождение научных идей, посредством обращения как к формальным (публикации в научных изданиях), так и к неформальным источникам (письма, интервью, дневники и т. п.). Во-вторых, рассмотрение любого результата научной практики как «события», находящегося на пересечении трех «траекторий»: индивидуальных усилий отдельного ученого, «публичного» знания, разделяемого научным сообществом, а также совокупности социальных факторов и общего культурного контекста развития науки. Третьим направлением предлагаемого Дж. Холтоном подхода является выявление тех структур, которые выступают стимулом и основанием выбора в процессе научного открытия, источником споров и разногласий в науке. Подобной структурой является тематическая структура – явная или неявная приверженность ученого к некоторой определенной теме или совокупности тем. Четвертым аспектом исследования следует считать практические последствия полученных результатов для развития историко-философских исследований науки, с одной стороны, и для понимания роли науки в культуре, с другой. К причинам, которые привлекают внимание исследований к тематическому анализу науки, Холтон относит, во-первых, возможность посредством подобного подхода объяснить формирование научных традиций, определенную преемственность, непрерывность и постоянство в науке, сохраняющие себя даже в периоды революционных преобразований. Во-вторых, будучи разработанными на материале естественных наук, полученные результаты могут найти применение при исследованиях в области истории, биологии, психологии, социологии, литературоведения и других направлений. Третьей причиной интереса к выявлению тематических структур и их классификации выступает используемая в ней методология (техника), которая ранее уже использовалась в культурной антропологии, лингвистическом анализе, и которая, возможно, позволит обнаружить черты сходства между гуманитарным и естественно-научным мышлением. И наконец, рассмотрение научного творчества как процесса, детерминированного не только инструменталистскими и утилитарными причинами, но и глубокой привязанностью к некоторым определенным темам, связывает тематический анализ с исследованиями в области человеческого восприятия, процессов обучения, мотивации и профессионализации. Это, в свою очередь, способствует лучшему пониманию характера рациональности, присущей науке. Понятие «тематический анализ», как было указано выше, заимствован из ан-

тропологии, искусствоведения и ряда других областей, а сам подход, предложенный Холтоном, аналогичен подходу антрополога и направлен на выявление глубинных структур. «Во многих (возможно, в большинстве) прошлых и настоящих понятиях, методах, утверждениях и гипотезах науки имеются элементы, которые функционируют в качестве тем, ограничивающих или мотивирующих индивидуальные действия, а иногда направляющих (нормализующих) или популяризирующих научные сообщества. Обычно они не находят явного выражения ни в предлагаемых самими учеными публичных представлениях их работ, ни в любых последующих научных спорах. Тематические понятия, как правило, не фигурируют в алфавитных указателях учебников и не входят в число терминов, которые в изобилии встречаются в профессиональных журналах и дискуссиях» [20, с. 24 – 25]. Близкой идеям Дж. Холтона нам представляется теория Л. Лаудана о существовании научных традиций, которая представляет собой результат критики с одной стороны идеи «парадигмы» Т. Куна, с другой – понятия «научно-исследовательская программа» И. Лакатоса, т. к. стремится избежать крайностей непрерывности и дискретности в анализе науки и позволяет описать динамичный характер научной рациональности. К числу научных традиций Л. Лаудан относит дарвинизм, электромагнитную теорию света, квантовую теорию, которые включают в себя определенное число специфических методологических и метафизических теорий и со временем детализируются.

Считается, что принятие тезиса о социокультурной детерминации познания содержит призыв к «натуралистическому» изучению науки и апеллирует к понятию «интересы». Однако, как отмечает С. Вулгар, в научной литературе, у концепции «натурализма» нет четкого определения [3]. Под натурализмом может пониматься научный метод, описательный, а не нормативный подход, альтернатива теологическим и спекулятивным объяснениям, а также отсутствие оценочного характера рассуждений. Представители натурализма, как правило, подчеркивают его методологическое значение, допускающее различные онтологии, где главным является принципиальная возможность объяснения социальных практик, и в частности, познавательных. И, если с одной стороны натурализм выступает против субъективизма и идеализма, и в значительной мере эквивалентен научной философии, то другая его трактовка означает верность природе изучаемого явления, и тем самым выступает против всех форм философских обобщений. Неоднозначность трактовок «натурализма», с точки зрения С. Вулгара, переносится на понятие «интересы» как на один из основных объяснительных ресурсов указанного подхода, т. к. задача выявления социального характера содержания научного знания истолковывается путем указания на «интересы», которые вызывают действия ученых. При этом рассматриваемые в качестве объяснительного ресурса «интересы», по мнению С. Вулгара, трактуются как само собой разумеющееся, т. е. не тематизируются. Такая установка, на наш взгляд, противоречит требованию, выдвигаемому, например Ю. Хабермасом, согласно которому ученые постоянно должны соотносить свои действия

с заинтересованностью той или иной социальной группы.

Работа Ю. Хабермаса «Знание и интерес» породила много дискуссий и продолжила начатую представителями Франкфуртской школы критику инструментального разума. Анализируя процесс «разложения эпистемологии», Ю. Хабермас предложил собственную точку зрения, разработав теорию о существовании в обществе трех типов познавательных интересов: технического, практического и эмансипационного (освобождающего). Различая три системы знаний (эмпирико-аналитические, гуманитарные и критические науки), Ю. Хабермас указал, что лежащие в их основе интересы обычно людям неизвестны, следовательно, задача критических теоретиков состоит в том, чтобы вскрыть эти интересы. Необходимо, полагает Ю. Хабермас, отказаться от идеи, согласно которой «мир проявляется объективно как Вселенная фактов, законоподобные связи которых можно описать» [1, р. 304]. Это предположение скрывает процесс, посредством которого «факты» конструируются, и «препятствует осознанию тесной взаимосвязи знания и интересов, имеющих своим источником жизненный мир» [1, р. 314]. Согласно Ю. Хабермасу, одним из первых, кто осознал необходимость выявления связи между действием и знанием и увидел основания науки в практической деятельности, был Ч. Пирс. Опираясь на прагматическую традицию Ч. Пирса, Ю. Хабермас пытается доказать, что естествознание ориентировано на получение технически полезной информации, которая может быть использована для контроля и управления окружающим миром. Интерес к рациональности как технически используемому знанию имплицитно присутствует в науке, хотя сами исследователи не всегда это осознают. Таким образом, позитивистский подход лишен адекватной интерпретации своего собственного статуса, т. к. идентифицирует рациональность с ее инструментально-целевой формой. Теоретическое знание в результате становится продолжением технического знания, позволяющего контролировать и прогнозировать процессы. Практические же вопросы являются прерогативой индивидуального интереса и выводятся за рамки научного исследования. Не отрицая возможности использовать методы каузального объяснения в социальных науках, Ю. Хабермас указывает, что социально-гуманитарное познание исходит из других интересов, которые помогают понять активный элемент научной деятельности. Исследуя герменевтические науки, Ю. Хабермас утверждает, что они интерпретируют реальность с учетом интересусубъективности, направленной на взаимопонимание. И вслед за В. Дильтеем Ю. Хабермас полагает, что обществоведы должны учиться языку своих объектов, а всем интерпретациям необходимо предавать статус предположений. Однако в отличие от В. Дильтея, который усматривал в практической деятельности опасность для научного характера, Хабермас настаивает на связи науки и жизни, теории и практики, фактов и ценностей, т. к. практика есть условие возможности понимания. Введя активную полемику с Х.-Г. Гадамером, Ю. Хабермас согласен с тем, что социальные науки с необходимостью проникнуты социально-историче-

ским контекстом, т. к. процесс понимания зависит от контекста, а история всегда будет влиять на понимание. Соглашаясь также с Х.-Г. Гадамером в том, что язык необходимо рассматривать как метаинститут, который обуславливает все остальные социальные институты, Ю. Хабермас настаивает, что, выступая средством коммуникации, язык одновременно есть средство доминирования, поэтому необходима систематическая критика идеологии с целью понять отношения власти, встроенные в коммуникативный процесс. Герменевтические науки, таким образом, представляют собой практический интерес во взаимном интересосубъективном понимании. Условием возможности критических наук является существование (помимо технического и герменевтического интересов) интереса эмансипационного, состоящего в освобождении от условий искаженной коммуникации, так как история, творимая волей и сознанием людей, содержит в себе элементы репрессии и доминирования. Чтобы усилить рациональные способности людей, автономию и ответственность, необходим тип знания, проясняющий эти условия. Именно стремление к автономии в форме самопознания посредством саморефлексии Ю. Хабермас идентифицирует с эмансипационным интересом. Так называемый «непринужденный диалог» Ю. Хабермас связывает с осознанием детерминант, которые идеологически формируют современную практику и концепции мира, и тем самым допускает возможность устранить объективные силы и условия искажения. Если для других форм знания познавательный акт (технический или герменевтический) не обязательно связан с его использованием, то в случае саморефлексии оба аспекта интегрированы таким образом, что акт познания одновременно является достижением эмансипации. В своей предельной форме эмансипационный интерес есть условие возможности выживания, но его преходящие формы обусловлены развитием технической деятельности и возможностью символического взаимодействия. Следует отметить, что концептуализация эмансипационного интереса у Ю. Хабермаса не является однозначной, на что указывает Д. Хелд [21]. Признавая в качестве фундаментальных условий существования человека труд, язык и доминирование, в трактовке интереса эмансипационного доминирование оценивается как преходящий феномен, который может быть преодолен.

Осуществляемый Ю. Хабермасом глубокий анализ коммуникативной природы знания отечественный исследователь В. Н. Фурс называет «прагматической революцией», которая проявляется помимо недоверия к экспертному знанию в установке, согласно которой действительное познавательное значение мышления определяется его последствиями для сферы опыта. В контексте критической теории Хабермаса это означает, что роль профессиональных производителей и трансляторов знания теперь состоит не в обладании познавательных привилегий, а в том, чтобы, демонстрируя систематический опыт свободы, постоянно осуществлять эмансипационный интерес там, где любители это делают эпизодически. Следует отметить, что эмансипация при этом не понимается как массовое социальное движение. Ее реальная практическая

значимость обусловлена постановкой вопроса о скрытых формах доминирования, проблематизации «естественного положения дел», и именно в этом состоит ее этическое предназначение [19]. Это, конечно не отменяет критического аргумента С. Вулгара, согласно которому любая «рационально» постулируемая связь между действиями и интересами в принципе может быть опровергнута существованием альтернативного интереса субъекта действия. Другими словами это означает, что отношения между действиями и интересами на самом деле не носят причинного характера. Кроме того, интересы могут указывать как на отдельного индивида, так и на некоторые общности, отношения между которыми могут быть не согласованными.

Большой вклад в изучение социального измерения науки внес Т. Кун, введя понятие «научное сообщество» в значении социальных систем с нечеткими границами и внутренними механизмами интеграции. В результате общественные науки предположили, что научные сообщества – это основные организационные единицы науки. Однако современные исследования форм коммуникации в науке позволяют сделать вывод о том, что такие организационные единицы, как научные сообщества, в значительной степени не важны и мало известны ученым, в связи с чем вопрос о концептуальных и методологических ресурсах анализа науки по-прежнему остается актуальным и эвристически ценным. Так, современные лабораторные исследования, подчеркивая методологическое и теоретическое значение места исследования, во-первых, дают уникальную возможность изучить сам процесс производства знания, который до настоящего времени был «черным ящиком» для общественных наук, а во-вторых, подтверждают ситуативную природу производства научного знания. Однако следует учитывать, что лаборатория не представляет собой изолированного пространства, а располагается в пространстве общественном. Это означает, как частный случай, что существующие отношения между научными и ненаучными сообществами являются важными для описания и понимания реальной практики научного исследования. Одной из попыток обнаружить транэпистемологические связи как встроенные в производство научного знания являются лабораторные исследования К. Кнорр-Цетиной. Она утверждает, что с самого начала ответ на вопрос о механизмах интеграции научных сообществ находился во власти экономических аналогий [2]. Одним из первых в этом отношении оказался Р. Мертон, использовавший идею конкуренции в форме борьбы за приоритет в научных открытиях, а также обнаруживший «эффект Матфея» как свидетельство несовершенства научной конкуренции, согласно которому признание накапливается у тех, кто уже имеет научную репутацию. Еще одним проявлением экономических аналогий является описание научной практики как деятельности по переводу творческих и научных достижений, как предметов обмена во множество наград материального и символического характера. Лабораторные исследования С. Латура и Б. Вулгара не апеллируют к понятию «истина», а утверждают, что ученые вкладывают различные капиталы в области, обещающие наибольшего

вознаграждения. Экономические модели науки, отказавшись от идеи нормативной и функциональной интеграции, стали трактовать научные сообщества как рынки, на которых производители и клиенты находятся в ситуации конкурентной борьбы. При этом они исходят из идеи «человека экономического», что подразумевает сознательную максимизацию прибыли и накопление ради накопления. Подобный индивидуалистический подход фактически игнорирует интерактивный и социальный характер научной деятельности. О присутствии логики рынка в современной науке свидетельствует тот факт, что ученые говорят о своих «инвестициях» в исследовательские области, о «рисках», «затратах», «возвращениях», о «продаже» результата, о том, где разместить «продукты», и как быстрее «заработать». К. Кнорр-Цетина задается вопросом: отражает ли этот язык вторжение экономических механизмов в ранее неэкономические области? И полагает, что существуют различия в использовании данных форм экономических рассуждений в области науки. Экономические понятия часто используются, когда ученые говорят о своих стратегиях исследования, когда они размышляют над способами, которыми приняты решения относительно исследований. Конечно, нет ничего нового в постулировании связи между научным производством и другими областями общественной жизни. Историки науки фиксируют подобные связи, а социология науки стремится обеспечить их теоретической постановкой проблемы социальной детерминации науки. Все эти исследования пытаются выявить общие черты между научными теориями и другими продуктами, а также способами мышления и поведения, обнаруженными в социальных практиках. Примером может выступать постулируемое сходство между понятием «инерционного движения», предложенного Г. Галилеем, и понятием «товарная биржа» экономической науки. Однако эти общие черты, которые часто приписываются общим мировоззрениям и интересам определенного класса, легко подвергнуть сомнению, если не ставится задача выявления механизма, посредством которого проявляется предполагаемая корреспонденция, т. к. они остаются неясными и трудно доказуемыми. К. Кнорр-Цетина полагает, что традиционные категории философии и социологии науки, в частности, понятие «научного сообщества» утрачивают свою познавательную ценность, т. к. перестают быть эмпирическими проверяемыми. Научная деятельность в своей основе предстает как область практического делания разного рода выборов (предвидения, планирования, восстановления и др.) К. Кнорр-Цетина разрабатывает аргумент, согласно которому существенную роль в научном познании играют транспистемологические связи между сообществом специалистов и «внешним» контекстом их деятельности. И в первую очередь в форме работы по переводу аргументов и проблем «технической» и «нетехнической» природы.

Подход, стремящийся избежать явных экономических аналогий принято связывать с идеей дарения, характерной для нормативно интегрированных сообществ. Подобную трактовку можно встретить у Н. Сторера, описывающего науку как «искусство ради искусства». Еще одна попытка уйти в объяснение

науки от логики обмена и рынка связана с работами П. Бурдьё, согласно которому поиск истины выступает основным мотивом научной деятельности. Он утверждает, что «подлинная наука о науке может формироваться лишь при условии решительного отказа от абстрактной оппозиции (которую можно обнаружить в других областях, например, в истории искусства) между имманентным или внутренним анализом, чем, собственно, и занимается эпистемология и что отражает логику, в соответствии с которой наука порождает свои собственные проблемы, и внешним анализом, который соотносит эти проблемы с социальными условиями их возникновения» [5, с. 20]. Специфика поля науки может быть описана посредством выявления сходства в различии. Подобно другим полям наука характеризуется совокупностью отношений борьбы, стратегий и интересов. Специфической же в ней является ставка – монополия на научную компетенцию, т. е. социально признанная способность легитимно говорить и действовать от имени науки. Условием возможности науки, согласно воззрениям П. Бурдьё, является, во-первых, совокупность ресурсов, унаследованных от прошлого и представленных, с одной стороны, в объективированном виде, с другой – «в инкорпорированном виде (в форме научных габитусов, т. е. систем, порождающих схемы восприятия, оценки и действия, которые являются продуктом специфической формы педагогического воздействия и которые делают возможным выбор объектов, решение проблем и оценку решений)» [5, с. 31]. Во-вторых, совокупность институтов, обеспечивающих производство и обращение научных благ, и одновременно отвечающих за воспроизводство и обращение производителей и потребителей этих благ. Прежде всего речь идет о системе образования, которая систематически внушает путем педагогического воздействия всем вновь входящим соответствующие системы диспозиций.

В заключение следует сказать, что обращение к социальному измерению науки обнаружило слабость стандартной концепции, т. к. ее концептуальный аппарат оказался не способен адекватно отразить реальную познавательную практику. Признание социокультурного влияния на процессы возникновения и распространения научного знания потребовало поиска адекватных средств описания научного познания и форм его социокультурной обусловленности, продолжающегося в настоящее время в соответствии с основной задачей социальной эпистемологии, которая, как ее определяет И. Т. Касавин, состоит не в том, чтобы провести разделительную линию между различными типами знания, а в «том, чтобы понять социокультурные основания каждого типа знания, указав на свойственную им ограниченность, ситуативность и особую социальную функцию» [8, с. 60]. Социокультурное влияние может проявляться как на когнитивном уровне так и на структурно-институциональном. И если предложенные концепты среди которых такие как «стиль научного мышления» и «тема» делают акцент на существование связи между наукой и общекультурным фоном, а понятие «интерес» и «научное сообщество» фиксируют социальную обусловленность научного познания, то предложен

ное П. Бурдьё понятие «габитус» обращает внимание на единство между когнитивным и социальным изменением науки, и одновременно на существование свя-

зи между фоновым основанием познания и его рациональными реконструкциями.

Литература

1. Habermas, J. Knowledge and Human Interests, trans J. Shapiro / J. Habermas. – London: Heinemann, 1971.
2. Knorr-Cetina, K. Scientific Community or Transepistemic Arenas of Research? A Critique of Quasi-Economic Models of Science / K. Knorr-Cetina // Social Studies of Science. – 1982. – Vol. 12. – № 3. – P. 101 – 130.
3. Woolgar, S. Interests and Explanations in the Social Study of Science / S. Woolgar // Social Studies of Science. – 1981. – Vol. 11. – № 3. – P. 365 – 394.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 240 – 259.
5. Бурдьё, П. Поле науки / П. Бурдьё // Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. Институт социологии Российской Академии наук. – М.: Праксис: Институт экспериментальной социологии, 2005.
6. Ивин, А. А. Интеллектуальный консенсус исторической эпохи / А. А. Ивин. – М., 1994. – С. 80 – 105.
7. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов / И. П. Ильин. – М.: ИНИОН РАН-INTRADA, 2001. – 384 с.
8. Касавин, И. Т. Критерии знания: собственно эпистемические или социальные / И. Т. Касавин // Эпистемология: перспективы развития; отв. ред. В. А. Лекторский; отв. секр. Е. О. Труфанова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
9. Мангейм, К. Консервативная мысль. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994.
10. Манхейм, К. Идеология и утопия. Диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – М.: Юрист, 1994. – С. 7 – 276.
11. Микешина, Л. А. Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки / Л. А. Микешина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 575 с.
12. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
13. Порус, В. Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах / В. Н. Порус // Познание в социальном аспекте. – М., 1994.
14. Пружинин, Б. И. Об особенностях современной гносеологической проблематики / Б. И. Пружинин // Познание в социальном аспекте. – М., 1994.
15. Розин, В. М. Современные проблемы эпистемологии / В. М. Розин // Эпистемология & философия науки. – 2012. – Т. XXXI. – № 1.
16. Серио, П. Как читаются тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса; пер. с фр. и португ.; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 12 – 53.
17. Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 8-летию В. П. Зинченко. – М.: РОССПЭН, 2011. – 639 с.
18. Флек, Л. Наука и среда / Л. Флек Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива; составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. В. Н. Поруса. – М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999.
19. Фурс, В. Н. Контуры современной критической теории / В. Н. Фурс. – Мн.: ЕГУ, 2002. – 164 с.
20. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон; пер. с англ.; общ. ред. и послес. С. Р. Микулинского. – М.: Прогресс, 1981. – 375 с.
21. Хэлд, Д. Интересы, знания и действия (к критической методологии Юргена Хабермаса) / Д. Хэлд // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1995. – С. 81 – 114.

Информация об авторе:

Иванова Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии Новокузнецкого филиала-института КемГУ, 8-913-314-85-82, ivanova-nkfi@mail.ru.

Natalia A. Ivanova – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Novokuznetsk Branch-Institute of Kemerovo State University.